

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ОТКЛОНЕНИЙ НА СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ БЕЛОРУССКИХ ГОРОЖАН В XVI-XVIII ВВ.

Н.Н. Алексейчикова

Статья направлена на исследование проблемы употребления крепких спиртных напитков в XVI – XVIII вв. жителями городов белорусских земель. В статье нашли отражение те негативные последствия, которые оказывало увлечение спиртными напитками, начиная от межличностных и имущественных противоречий и заканчивая преступлением в семье. Автором также показывается отношение наших предков к проблеме алкоголизма, т.е. как смотрели на данную проблему люди, попавшие в алкогольную зависимость, а также как к ней относились их родственники.

Ключевые слова: семья белорусских горожан в XVI-XVIII вв., алкоголь и межличностные отношения в семье, алкоголь и имущественные разногласия между родственниками; алкоголь и измена, алкоголь и развод.

Повседневная жизнь жителей белорусского города XVI–XVIII вв. является мало изученной темой. На сегодняшний день в белорусской исторической науке существуют работы, отражающие отдельные вопросы воспитания детей, содержащие отдельные зарисовки быта жителей белорусских земель [3, 4, 5, 6, 14, 15, 16, 20, 21]. К сожалению, ни одна из этих работ не обращается к проблеме влияния алкоголя на семейную жизнь жителей белорусских городов, а также как том, какое влияние на взаимоотношения между различными категориями родственников оказывало употребление спиртных напитков.

Изучение архивных материалов XVI – XVIII вв. позволяет утверждать, что белорусские горожане временами чрезмерно увлекались употреблением спиртных напитков. Под влияние данной пагубной привычки попадали не только мужчины, но женщины, и даже несовершеннолетние дети. Вот, что пишет по этому поводу посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, мемуарист и этнограф XVI в. своем произведении «О нравах татар, литовцев и москвитян»: *«Нет в городах литовских более часто встречающегося дела, чем приготовление из пшеницы пива и водки. Берут эти напитки [и] идущие на войну и стекающиеся на богослужения. Так как люди привыкли к ним дома то стоит им только отведать в походе непривычной для них воды, как они умирают от боли в животе и расстройства желудка. Крестьяне, забросив сельские работы, сходятся в кабаках. Там они кушают дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять своих товарищей по попойке плясками под звуки волынки. Вот почему случается, что, когда, прокутив имущество, люди начинают голодать, то вступают на путь грабежа и разбоя <...> У нас же не столько власти (magistratus), сколько сама неумеренность или потасовка, возникшая во время пьянки, губят пьяниц. День [для них] начинается с питья огненной воды. «Вина, вина!» – кричат они еще в постели. Пьется потом эта вот отравка мужчинами, женщинами, юношами на улицах, площадях, по дорогам; а отравившись, они ничего после не могут делать, кроме как спать; а кто только пристрастился к этому злу, в том непрестанно растет желание пить...»* [17, с. 49–50]. Следует отметить, что во многом описанная ситуация подтверждается и актовыми книгами городских магистратов: *«въ дому Семена Юшковича, у въ избе нашли есмо а столе ряжку меду, который мед пиль Ивашко Лавриновичъ а Осить Шинкаръ складу меского и две жонки, которых есми знать не могъ...»* [9, с. 329]. Пристрастие к спиртным напиткам было обусловлено сложившимися в рассматриваемый период традициями. Алкогольные напитки, такие как водка, мед и пиво, употреблялись во время приема пищи [20, с. 39]; различных семейных праздников: *«выложыл на веселье меду, пива...»* [2, с. 416], *«маю горелку у доме своем не для жадное продажи, але есми курил горелку для веселя сына своего»* [9, с. 485], *«в прошлом 1572 году, будучи очень пьяным во время крестин у своего пана...»* [12, с. 438]; когда в дом приезжали гости: *«Полада, жона Семена Юшковича, поведила, ижъ дей я тотъ медъ не на шынкъ сытила была, але на приездъ приятелей муя моего, котрые мели быть въ тыхъ часехъ у дому мужа моего...»* [9, с. 334–335]; да и просто вечером после рабочего дня: *«онъ (Марк Иванович Сыса, мещанин полоцкий – А.Н.), пятого Февраля сего года (18 февраля 1683 г. – прим. Н.А.), вечеромъ, выпивши полгранца пива и за одинъ грошь водки, прииель домой...»* [8, с. 275]. Вино, мед и водку¹ использовали также в качестве лекарств [22, с. 44]. Это оказывало значительное влияние жизнь белорусских горожан в целом, и семейную в частности.

Пагубная привычка зачастую наносила значительный урон семье – вела к растрате имущества. Брестский мещанин Стефан Стативко из-за своего пагубного пристрастия к алкоголю разбазаривал имущество своей семьи. Проблема оказалась настолько острой, что его супруга Александра вынуждена была обратиться в суд для констатации данного факта: *«Ja Alexandra Jerofeiewna zanoszę do wmsć protestacyję tę, iż na tak wiele wniesienia mego, cam wniosła za swego męża stephana Staciwkę, potracił to, to iest: tkankę perłową, kosztowała trzydzieści złotych, pas ieden pozłotisty – dziesięć kop litewskich, drugi pas mały srebrny niepozłotisty – sześć kop litewskich, pierścionków dwa, po dwu czerwonych w każdym –*

¹ Водка на белорусских землях начала распространяться в XVI в. [22, с. 23]

czterdzieści złotych gotowych wziął; to nie wiem gdzie podziewał, potracił, popił...» [1, с. 406]. Подобное обращение в суд было продиктовано тем, что в последующем женщина, отстаивая свои имущественные права, могла потребовать от своего супруга вернуть ей ее собственность², либо же обратиться в суд с просьбой признать главу семьи неспособным и назначения для него куратора: *«żona utratnego męża, rodzicy, powinni, krewni, przyjaciele starają się, aby takiego do urzędu pozwali. Tam gdy stanie, ta żona z przyjaciółmi przyczyny rozpraszania i utracania jego powiedzieć i okazać (...) sędzia, urząd gdy obaczy i wyrozumie, iż tu użyteczniej dać kuratora...»*³ [23, s. 83].

Схожая ситуация сложилась и в семье могилевского мещанина Ониска Игнатовича: *«Поставише очевисто Аганея Тимошковна Онисковая, будучи на теле а уме здорова (...) по своей доброй воли (...) тые слова сознала, иж она мужу своему Ониску Игнатовичу, хочечи быти во всем послушною, обецуется з ним употливе жити, не пити, з дому ничего не выносити, а руки от чужого добра гомовати...»* [18, л. 78 обр.]. Как видим, пристрастие к алкоголю толкало женщину не только на растрату собственного имущества, но приводило к преступному деянию – краже чужого имущества, подтверждением чего, на наш, взгляд служит ее собственное высказывание, сделанное в суде: *«руки от чужого добра гомовати...»*. Последнее приводила к частым семейным скандалам, которые сопровождались рукоприкладством со стороны мужа: *«також и муж ее помененый (...) моее бити не обецуется»*.

Растрата имущества, связанная с чрезмерным увлечением алкоголем, являлась причиной многочисленных конфликтов не только между супругами, но и другими категориями родственников. 1 сентября 1578 г. могилевский мещанин Косца подал жалобу в суд на своего пасынка Гришку: *«...жаловал и оповелад учтивы Косца на Гришка Черковича, пасынка своего, а на Хому, сестренца того пасинка его, о томъ, иж дей нет ведома для которой причины збили и змордовали, будучи у дому сполномъ н(а)шомъ. А Гришко с Хомою (...) повелили, иж есми его не били, ани о томъ бои ведаемъ, одно если з нег(о) зняти сермягу матки своей для того, штоб не пропил, бо так речей много матки н(а)шой позатиял. А уряд выслухавши жалоб и отпору сторонъ, обачаючи то, иж тот пасынок и сестренец в молодых летех, а мешкаючи в одномъ дому и в одномъ хлебе, шарпали господара своего, яко отца, с тых причин уряд за вину дал их посажать до меского везенья.»* [2, с. 52 – 53]. Как видим, в данном случае сын и племянник, защищая имущественные интересы своей матери и тети, прибегли к насилию над отчимом, который из-за своей пагубной привычки, неоднократно продавал вещи своей супруги, а вырученные деньги пропивал. Однако, он являлся не только главой семьи, но и кормильцем несовершеннолетних пасынков, поэтому суд встал на защиту его прав. В рассматриваемое время, оскорбление родителей, а уж тем более нанесение им каких-либо телесных повреждений, считалось одним из тягчайших преступлений и подлежало неременному наказанию: *«Аще ли сынъ бѣт отца или матеръ, да казнят его волостелскою казнѣю, а митрополиту в домъ церковный такій отрок...»* [7, с. 89].

В 1578 г. пьянство привело к имущественным разногласиям между родными братьями, которые осуществляли совместные торговые операции: *«учтивы Данило Саньковичъ жаловалъ на учтивога Еска Санковича, брата своего штож дей мне з нимъ посполу ездячи по торгомъ и вже назад до дому едучи, заехали есмо до приятеля его до Стася на ночь, то пакъ тамъ ночовавши и вже хочечи до дому ехати, нижли онъ без ведомости моей пошол до слодолы похмелятсе, што я доведавши, иж он пошол пить, побеглемъ у погоню за нимъ, штобы се тамъ не забавил, а до домов своих омешьканя не учинили, нижлимъ его учинити не моглемъ и за семъ се вернулъ назадъ; а кдымъ до возов прышол, нашол возы порушаны и взято з воза моего готовых н(е)н(я)зей копъ одиннадцатъ и гриши трыдцатъ, якожемъ я зараземъ тамъже з нимъ до того врьдника на того свояка его жалобу чинилъ и зложити ми с права ему се од того отприсегнуть, нижли он теперь, яко будучи мне братомъ и посполу есми з собою ездилъ и торговали, тое шкоды моее половицы мне платити не хочеть...»* [2, с. 18–19].

Временами алкоголь становился причиной непоправимой трагедии. Так в Полоцке в 1683 г.: *«онъ (Марк Иванович Сыса – А.Н.), пятого Февраля сего года, вечеромъ, выпивши полгранца пива и за одинъ грошъ водки, пришелъ домой и попросилъ у покойной жены своей Полонеи есть; она ему есть не дала. Тогда онъ, Маркъ Сыса, свернувши вожжси сталъ ее бить, потомъ, когда она перестала просить его, видя, что она слишкомъ избита, поднялъ съ земли и положилъ на лавке, а самъ пошелъ за молокомъ для дитяти, между же тем она умерла (...) Истець Кукса (...) просилъ, чтобы Маркъ Сыса былъ четвертованъ, загубивъ две души, потому что жена его была беременна...»* [8, с. 275, 276]. Как видим, ссора между супругами, возникшая на бытовой почве, под влиянием алкоголя переросла в преступление – убийство.

В 1634 г. вдовой осталась могилевская мещанка Дося, жена Матюши Богдановича: *«Матюша, будучи подпилымъ, вступилъ былъ и до менканья исподнего, где Кгдаля жидъ живетъ и шинкъ*

² В XVI–XVIII вв. несмотря на то, что семья носила патриархальный характер, приданное являлось собственностью супруги и без ее разрешения муж не имел права распоряжаться им по своему усмотрению [25, s. 70].

³ Перев. с польск.: «жена, родители, родственники, друзья утратного мужа должны такого призвать к уряду. Когда жена и друзья станут перед урядом они должны сообщить о причинах, приведшие к утрате и доказать это (...) судья, уряд когда увидят, что это соответствует действительности должен назначить для такого человека куратора...».

выдавать, увойти хотель; а же до того Кгдали мешканья двери сеньные южъ завалены были, тотъ преречоный Матюша, до тыхъ дверей поколотившисе, а не могучи до того мешканья его, жида Кгдали, увойти, пошоль былъ до вышъшого мешканья, где онъ, панъ Иванъ, живетъ, и толко што на кганьки его, пана Ивана, онъ Матюша, вступилъ не ведати хто зъ мешканья его, пана Ивана, выпадъши зъ верху кганокъ, окрутъне нелютостиве того Матюшу въ голову, надъ рогомъ, подле чупрыны, вдарилъ, кости прочъ не мало выбил, съ чого певне живъ не будетъ...». Дальнейшее разбирательство дела не позволяет с уверенностью установить виновного в смертельном ранении, поскольку свидетели подтвердили и поручились за непричастность к этому обвиненного могилевского мещанина Ивана Отрошкова [10, с. 523–527].

Употребление спиртных напитков не способствовало укреплению брачных уз и в плане верности супругов. Так, в 1617 г. в суде могилевского магистрата рассматривалось дело между Чурилой Артемовичем и его отцом, Артемом Повязским, последний склонил к сексуальной связи свою невестку: «скоро до избы жона моя прышла, (Артем Подвязский – Н.Н.) москалика по огонь послать, и скоро москаликъ пошоль, онъ се зъ нею увъ избе зосталь, тамъ же я до избы по мало ускочивши окномъ, отца своего на жоне своей зосталь и в жону свою взявши, троху прибыль; она се мне признала до того, ижъ дей мене отецъ пьяную о заустахъ звель и отъ того часу зъ нимъ мешкивала...» [10, с. 344–345]. Как видим, не последнюю роль в неверности супруги сыграло то обстоятельство, что она находилась в нетрезвом состоянии. Алкоголь явился причиной супружеской неверности и в семье Романа Казкевича: «Жаловался славутный пан Павел Кузевка, посполитый могилевский (...) о том, что Роман Козакевич, мещанин могилевский и неучтивая Анастасия Мелешкова, шинкарка, совершили чужеложство (...) против которых жаловался (...) такими словами (...) в 1750 году (...) нерадница Настасья (...) 23 января пришла вечером пьяная до Райя и легла спать в коморе; в это же время пришел Ромка, немного задержавшись в скорости ушел у Семену Бутеме на крестины, где немного побыв, вернулся вновь к Райю и войдя в комору, закрыл двери, где на кровати спала Анастасия (и совершил прелюбодеяние – А.Н.)» [12, с. 292–293]. Из приведенного отрывка видно, что женщина находилась в состоянии алкогольного опьянения, мужчина также, скорее всего не был достаточно трезв, поскольку незадолго до совершенного преступления⁴ побывал на семейно празднике, кресъбинах, у могилевского мещанина Семена Бутемы. К счастью семья не распалась, потому что супруга Романа Козакевича не только нашла силы простить изменника, но и вступилась за него перед судом: «А так мы, городской уряд (...) отмечем, что обвиненный Роман Козакевич, имеющий годную и почтивую венчанную жену и рожденный от нее детей, за совершенный теперъ поступок с неучливой Анастасией Мелешковой, шинкаркой, должен был быть наказан публичной позорной казнью, однако уважая слезы жены и детей (...) и его раскаяние, от публичного наказания освобождаем, за совершанные выступок, оскорбляющий Бога и противный людям, должен заплатить 30 битых талеров на городской могилевский гарнизон и дать две скрыне стекла на окна для судебной избы...» [12, с. 292–293].

В рассматриваемое время злоупотребление алкоголем приводило к распаду семьи (расторжению брака): «я, Яков Андреевич Сопозко (...) чиню ведомо и созноваю самъ на себе симъ моимъ добровольнымъ разводнымъ листомъ, ижъ я знаючи тотъ грехъ на себе, же мешкаючи въ свете, жаднымъ способомъ отъ пьянства завстягнути и погановати не могу, зачымъ умыслелемъ и статечне то у себе постановилъ одменити животъ мой на животъ законный, на покуту до монастыра, на поратованне души моее, а маючи на сесь часъ въ стане мальженъскомъ учтивую Катерину Самуелевну, которую я южъ тымъ моимъ роспустнымъ житемъ, стративши отчизну мою и самую оголотилъ и до убоства привелъ пре то (...) симъ листомъ моимъ зъ малженства и обовязковъ илюбныхъ вызволяю и волную чиню вечными часы...» [11, с. 521]. Как видим, мужчина осознает, что его болезнь наносит серьезный урон семье, а потому высказывает желание, посвятить свою дальнейшую жизнь служению богу, чтобы избавиться от своего порока.

Чрезмерное использование алкогольных напитков в пищу не только подрывало здоровье жителей белорусских городов, деформировало межличностные взаимоотношения между супругами и другими родственниками, но и приводило к летальному исходу: «Федор Иванович Оршаница, пришедъши до насъ, уряду, скаржилъ на Любу Юзефовну, жидовку и не сестру его, Д(о)ню Ивановну, которая у нее летъ десять служила, здорова, не давши намъ справу, яко умерла, и не ознаймивши, жебы я братъ, зъ братьею и зъ покровными, учтивее, ведле звычайу хрестіанского, оную поховаль (...) сынъ змерлое Дони, Гришкно Андреевичъ, зъ бабкою своею, Парасею, и зъ тетъкою, Марушиною Оршаничиною (...) въ ночи пришедъши, нашоломъ матъку свою умерлую (...) а взявши тело, яко до ютрени зазвонено, отъвезлисмо на Гвоздовку въ свитаню, и для неславы, же зъ горелки умерла, кгдаж и отецъ нашъ первой сего также зъ горелки змеръ, не даючи знать до церкви, выкопавъши ямъку (...) зъ братомъ, тарасомъ Анъдреевичомъ, и Феоромъ и Якимомъ Ивановичами, дядками и Марушиною, сесътрою, и невесткою

⁴ В рассматриваемое время прелюбодеяние считалось не только греховным, но и преступным. Оно ставилось в один ряд с такими преступлениями как убийство и изнасилование [24, с. 199]

Марю Ясковою, ввирнувши въ рогожу а прыкрывши дошгкою, поховали...» [11, с. 372–373]. Как видим, подобная смерть считалась позором для членов семьи усопшего, а потому ее пытались всяческими путями скрыть, вплоть до похорон без участия священника.

Исследование архивных документов показывает, что проблема алкоголизма стояла довольно остро в исследуемых период. Свидетельством чему являются с одной стороны многочисленные зароки горожан об отказе употреблять алкоголь: «*ставши очевисто Лука павлович Овечкинъ, мещанин моголевский сознание свое до книгъ мескихъ тыми словы учинилъ, ижъ дей не маю пити отъ даты сего сознания моего до свята фалебного Великодня <...> такъ въ корчме. Яко тежъ и въ вольнымъ питью, а где бымъ, препомневши сего сознания моего, где кольвекъ пити мель, тебды, волно и мощно будетъ мене тествю моему взяти кромъ жадного права, взявши до везенья меского посадити, и зъ уряду корати водле подобанья своего...*» (1596 г.) [10, с. 224]; «*Постановивши се очевисто мещанин моголевский Дмитр Сашкович сознание свое добровольное до книгъ мескихъ моголевскихъ тыми словы учинилъ ижъ дей што заходили на мене жалобы од розныхъ <...> мещанъ Моголевскихъ в кривдахъ ихъ ижъ што я взявши отъ нихъ <...> пропиваломъ <...> записомъ моимъ добровольное записую ижъ не маю жадного напитку такъ меду пива горелки пити и в корчму ажъ до рожеству Христова Пришлого...*» (1624 г.) [19, л. 78]. С другой – ужесточение контроля за изготовлением спиртных напитков со стороны местных органов власти: «*абы никто горелки в своемъ доме не мелъ*» [9, с. 462], а также наличие наказания в виде тюремного заключения за распитие спиртных напитков и как следствие нарушение общественного порядка: «*Повстановившисе на уряде войтовства Моголевского учтивы Макъсимъ Овхимовичъ, а Иля Грушъковичъ, а Жданъ Оникевичъ, мещане Моголевские выручили з везенья за дозволеньемъ уряду стороны жоны его и детей Овтушъка Шостаковича Кравца для лотровства его, за которого прырекълъ, же маеть вжо супокойне жить и вжо маеть перестать того лотровства (питъ) чинити по (то) естъ пиянства, костьрства, збытковъ вишелякихъ под виною тремя рублями гриши на врьдъ <...> а если бы его где лотруючи zostали, будетъ имъ волно взяти и до везенья его войтовского осадить...*» [2, с. 9]. Для пьяниц и дебоширов в качестве наказания практиковалось:

1) изгнание из города: в 1577 г. Ивашко Жак записал в книги моголевского магистрата следующее обязательство «*...на которую часторотъ жалобы и скарги до вьраду доходили, за тымъ што онъ у в опилство и в роспусность се вдавши, людей добрыхъ ни в чомъ ему невинныхъ лаеть, соромотитъ и словы неучтивыми досожаетъ, звлаца мощью речи некоторые чужьши беретъ на рынку и марне ихъ тратитъ, ку шкоде людей, иакожъ и на тотъ часъ у Аверка Семеновича, товариша своего, скуру иаковичю взявши, в корчме на меду запилъ <...> ижъ естбыхъ се дей черезъ часъ того марнотраца еще важилъ, а отъ него ескромити и погамовати а не пристойного потрвоеного питя поперестати и тымъ живота своего поправити не хотелъ, а надъ то бы в тое, чого той часъ добровольне отступую вдавалъ, тогды за которымъ своволенствомъ моимъ <...> вьрадъ местсой, где колвекъ трафи, поймати и кату в моцъ подати, а безъ милосердя и жадного отпуску у стола на рынку показавши увязати и хлостами, иако дного злодея карати, а потомъ с посполства вылучивши з места выгнати...*» [13, с. 266–267].

В 1579 г. из города был изгнан моголевский мещанин Федор Нестерович: «*Марына Жыдкая <...> жаловала на Федора Нестеровича о томъ, ижъ онъ у мене у дому моемъ пивши, сукманъ ч(е)ског(о) серый <...> идучы з дому моего украл, которог(о) я назавтрей у него пытала и перейму давала золотый, а онъ сукмана мне отдать не хотелъ, то пакъ я, взявши з уряду Яна цехмистра, пошотыши у домъ его, нашла сукню свою на передклетѣ захованый, мокрый, прыкрытый, што и Янъ цехмистръ созналъ <...> А сторона отпорная Федоръ Нестеровичъ самъ добровольне зналъ се, ижъ з дому ее тую сукню узалъ былъ, идучы до дому своего, для тог(о), же былъ в одной кошули, нижли не смелъ ее отнести, боючысе, жебы не били <...> а такъ врьдъ, выслужавши жалобы и отпору стороны, згоджаючысе водлугъ порадку права майдебурског(о), ижъ еще былъ в летехъ молодыхъ тотъ Федоръ и для тог(о) о горло ему не пришло <...> сказали, абы его у прекгли в рынку мистръ дубцы скаралъ, яко одного злочынцу, и з места выбилъ...*» [2, с. 412–413]. Здесь мы сталкиваемся не просто с алкоголизмом, а с алкоголизмом детским, повлекшим за собой преступление – кражу. Приговор, вынесенный Федору Нестеровичу, являлся не столько результатом злоупотребления алкоголем, сколько результатом совершенного им преступления.

2) заключение под стражу: «*Повстановившисе на уяде войтовства Моголевского учтивы Макъсимъ Овхимовичъ, а Иля Гришъковичъ, а Жданъ Оникевичъ, мещане Моголевские выручили з везенья за дозволеньемъ уряду стороны жоны его и детей Овтушъка Шостаковича Кравца для лотровства его, за которого прырекълъ, же маеть вжо супокойне жить и вжо маеть перестать тог лотровства чинити по (то) естъ пиянства...*» (1578 г.) [2, с. 9].

Исследование актовых книг позволяет сделать следующие утверждения, что в XVI – XVIII вв. в белорусских городах существовала проблема алкоголизма, данной пагубной привычке были подвержены не только мужчины, но и женщины, а также несовершеннолетние дети. Чрезмерное увлечение спиртными напитками в рассматриваемое время нарушало спокойствие семейной жизни: вспыхивали конфликты между супругами и ближайшими родственниками, приводило супружеской неверности и к распаду семьи, а иногда становилось причиной преступления.

This article is directed on study of the problem of the use strong alcohol drink in XVI - XVIII ages inhabitant city Byelorussian lands. In it opens that harmful influence, which rendered alcohol on relations between relative. Negative consequences of the abuse alcohol drink are shown in article. Amongst them possible to name interpersonal and property contradictions between relative, and crimes, which were made relative on attitude to one another. The Author appears the attitude our limit to problem of the alcoholism, what looked at given problem people, which have fallen into alcoholic dependency, what their relatives to her pertained.

Key words: *family of the Belarusian citizens in the XVI-XVIII centuries, alcohol and the interpersonal relations in a family, alcohol and property disagreements between relatives; alcohol and change, alcohol and divorce*

Список литературы

1. Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: в 39 т. Т. 6: 1) Акты Брестскаго градскаго суда (поточные), 2) Акты Брестскаго подкоморскаго суда, 3) Акты Брестской магдебургии, 4) Акты Кобринской магдебургии, 5) Акты Каменецкой магдебургии. Вильна: Тип. Губернскаго Правленія, 1872. 673 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: в 39 т. Т. 39: Акты Могилевскаго магистрата XVI в. (1578–1580). Вильна: Тип. Губернскаго Правленія, 1915. 664 с.
3. Бардах Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Мінск: ТАА «Типографія ПОЛИТМАГ», 2002. 459 с.
4. Беларусы: у 9 т. Т. 5: Сям'я [пад рэд. В.К.Бандарчыка і інш.]. Мінск: Бел. навука, 2001. 375 с.
5. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. [пад рэд. В.К.Бандарчыка]. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 248 с.
6. Дзёрбіна Г. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу. Мінск: Тэхналогія, 1997. 175 с.
7. Древние русские княжеские уставы XI – XV вв./сост. Я.Н.Щапов. М.: Наука, 1979. 239 с.
8. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 6: Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676 – 1771 гг. [под ред. Созонова и др.]. Витебск, тип. Губ. правл., 1975. 409 с.
9. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 7: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1577–1591 гг. [под ред. Созонова]. Витебск, тип. Губ. правл., 1876. 517 с.
10. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591 – 1634 гг. [под ред. Созонова]. Витебск: Тип. Губ. правл., 1877. – 530 с.
11. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 9: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635 – 1646 гг. [под ред. Созонова]. Витебск, тип. Губ. правл., 1878. 546 с.
12. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 15: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1706 г. Акты, извлеч. из книг Могилевскаго магистрата за 1747 – 1756 гг./под ред. Созонова. Витебск, тип. Губ. правл., 1884. 528 с.
13. Историко-юридические материалы: в 32 т. Вып. 32: Акты первой книги Могилев. магистрата за 1577 – 1578 гг. [под ред. Д.И.Довгялло]. – Витебск, тип. Губ. правл., 1903. 289, 292 с.
14. Калачова, І.І. Народныя традыцыі і звычаі выхавання. Этнапедагагічная спадчына народаў Беларусі. Мн.: НІА, 1999. 179 с.
15. Марзалюк І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ імя А.А.Куляшова, 2003. 324 с.
16. Марзалюк І.А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы. Мінск: Веды, 1998. 260 с.
17. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян [Перевод В. И. Матузовой. Отв. ред. А. Л. Хорошкевич]. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151, [3] с.
18. НГА РБ. Ф. 1817. Оп. 1. Ед.хр. 10: Актовая книга Могилевскаго магистрата 1628 г.
19. НГА РБ. Ф. 1817. Оп. 1. Ед.хр. 9: Актовая книга Могилевскаго магистрата за 1624 г.
20. Сліж Н.І. Шляхецкая сям'я ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI – XVII стагоддзях: уздзеянне саслоўнага падзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё: аўтарэф. дыс. .... канд. гіст. навук: 22.03.2002./Н.І.Сліж; Інстытут гіст. Нацыянал. акадэм. навук Рэспублікі Беларусь. Мн., 2002. 24 с.
21. Сям'я і сямейны быт беларусаў [пад рэд. В.К.Бандарчыка і інш.]. Мн.: Навука і тэхніка, 1990. 256 с.
22. Baranowski B. Polska karczma, restaracja, kawiarnia. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. 248 s.
23. Groicki B. Obrona sierot i wdów. Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. 345 s.
24. Groicki B. Tytuły prawa majdeburskiego od Obrządku i do Artykułów, pierwiej po polsku wydanych, w sprawach tego czasu nawięcej kłopotnych z tego prawa majdeburskiego przydane. Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1954, s.
25. Kuchowicz Z. Człowiek polskiego baroku. Łódź: Wydaw. Łódzkie, 1992. 395 s.

Об авторе

Алексеичикова Н.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых дисциплин УО «Могилевский высший колледж Министерства внутренних дел Республики Беларусь»